

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВА

Чимит-Доржи Цыдендамбаев (более известен как Чимит Цыдендамбаев) родился в 1918 г. в живописном улусе Тарбагатай Заиграевского аймака. Умер в 1978 году. Поэтическая одаренность Ч. Цыдендамбаева проявилась рано. Он начал писать свои первые стихи еще будучи учеником Кижингинской семилетней школы в 1934-1935 гг. Его стихи печатались в стенной газете "Зүрхэнэй дуун" (Песни сердца), которая продолжает выпускаться и поныне. Впервые его стихи начали печататься в газете "Буряад-Монголой үнэн" с 1937 г. В этот период Ч. Цыдендамбаев переезжает в Улан-Удэ, где поступает на работу в радиокомитет, а затем - в редакцию газеты "Буряад-Монголой үнэн".

Первый сборник его стихов "Эхэ оронойм үдэрнүүд" (Дни моей родины) увидел свет в 1940 г. Он был тепло принят читателями, так как поэт искренне и взволнованно воспевал трудовые успехи своего народа, безграничную преданность родине и большевистской партии. Его поэтический голос звучал свежо и проникновенно. В этом сборнике было помещено одно из замечательных стихотворений Ч. Цыдендамбаева "Сэсэгхэн" (Цветок). Это стихотворение основано на закономерном чередовании долгих и кратких слогов, написано силлабо-метрическим способом, что свидетельствовало о творческих поисках поэта, стремлении найти новые формы выражения дум и мыслей человека, желании отойти от традиционных силлабических форм улигерного стиха. Стихотворение очень музыкально и поэтично.

В стихи, которые написаны в традиционной форме, применяя аллитерацию, поэт пытается внести свое, меняет количество слов в строке, что делает стихотворение более динамичным, интонационно энергичным. В частности, чередование двухсловных строк

с трехсловными повышает роль паузы, делает стих более выразительным.

В годы Великой Отечественной войны молодой поэт выпустил сборник стихов "Илалтын замаар" (Дорогой победы, 1943) и поэму "Гвардеец". (1945), где он воспевает всенародный патриотизм и героизм, вызванный защитой родины. Если в довоенных стихах поэта больше звучали гражданские мотивы - патриотизм, прославление героев поляса, то в творчестве военных лет преобладают лирические стихи. В изданном в 1943 г. сборнике стихов "Илалтын замаар" (По пути победы) помещены такие лирические стихи, как "Геройн эхэ" (Мать героя), "Эсэгэ" (Отец), "Бусажа ерэтэршни хүлээхэб" (Буду ждать тебя до возвращения), "Фронтын улгын дуун" (Фронтальная колыбельная песня). В стихотворении "Геройн эхэ" (Мать героя) рассказывается о переживаниях матери в связи с гибелью сына. В нем есть горестные интонации, в выражении которых особую роль играют прошедшее причастие и частица хэн:

Удэр бури хүлээгдээн,
Углөө бури дурдуульан,
Эмгэн буурал эхын
Эгээл ганса хубуун хэн.

Был он единственным сыном
Седой старой матери.
Ждала она его каждый день,
Вспоминала о нем каждое утро.

"Алагдашоо" гэжэ бэшэгдээн
Аюулта хүндэ энэ үгэдэ
Эхын зүрхэн яабашье
Этигэжэ шадахагүй байгаа хэн.

Сердце материнское поверить
Не могло никак
Страшному, тяжкому слову:
"Убит"*.

Также использованы писателем отрицательные глагольные формы для передачи мыслей и чувств печальной и тоскующей матери:

Үндэр улыан сэрлэе
Үтэлхэ сагтаа зарахагүйб.
Гайхан хүүгэн ашые
Галга гартаа барихагүйб.

Не будет мне помощницей на старости
Краснощечкая статная невестка.
Не буду держать я в руках трясучих
Малого милого внучонка.

Автор мастерски создает сверхфразовое синтаксическое единство, в котором предложения объединены единой интонацией, определительными оборотами, причастиями прошедшего времени в стра-

* Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

дательном залоге и другими глагольными формами. Здесь ощущаются интонации народных песен, в частности песни о Шэлдэй Занги. Этим объясняются прочувственность, психологическая глубина его стихов. Но в отличие от песен у поэта есть переход ко второй части — это горестный и горький монолог матери в связи со смертью сына. В то же время вера в победу, высшие интересы родины — пафос этого стихотворения.

В стихах Ч. Цыдендамбаева военных лет выражена непоколебимая уверенность в победе над врагом. В поэме "Гвардеец" Ч. Цыдендамбаев рассказывает о фронтовой жизни воинов разных национальностей, о том, как воины ходят в разведку и как крепкая дружба людей разных национальностей помогает им выстоять. Наряду с этим показаны жизнь и труд колхозников. По мнению исследователя бурятской поэзии военных лет И.А. Кима, описание фронтовой жизни менее удалось поэту, чем рассказ о жизни колхозного улуса¹. По И.А. Киму, поэма в языковом отношении страдает многословием. И.А. Ким пишет: "Она растянута за счет ненагруженных или малонагруженных в смысловом отношении слов и выражений. Кроме того, ее длинные строки, из 12-16 слогов, напоминающие тринадцатисложные силлабические стихи, звучат несколько тяжеловесно, однообразно. Создается впечатление, что поэт, выбрав строки такого размера, старается поневоле наполнить их словами"².

Однако удачной находкой Ч. Цыдендамбаева является то, что он, раскрывая мысли, переживания и поступки героев, предметное содержание изобразительных средств черпает из обыденной жизни героя, из его труда. Поэт так описывает впечатление неграмотного Абыды от внешнего вида письма, которое он получил от сына-фронтовика:

Хонгор талын саһан дээгуур байгааша,
Хони малай мурнууд шэнги барсайлдана.
Запестрели, как следы овец, коров,
Что пасутся на снегу в родной степи.

(Перевод И.А. Кима)

В 1948 г. Ч. Цыдендамбаев выпустил сборник стихов "Утро", в котором преобладает военная тематика. В 1950 г. выходит сборник стихов "У нас в Тарбагатае", в 1954 г. — поэма "Соном Гармаев", посвященная очень актуальной тогда в бурятской литературе теме о рабочем классе.

В послевоенные годы Ч. Цыдендамбаев приступает к созданию крупных прозаических произведений, в частности, пишет исторический роман о первом бурятском ученом Д. Банзарове. В 1948 г. Ч. Цыдендамбаев выпустил повесть "Банзаровой лагбан" (Чернильница Банзарова), в 1953 г. - роман "Банзарай хубуун Доржо" (Доржи, сын Банзара), в 1959 г. - роман "Турэл нутагнаа холо" (Вдали от родных степей). В последующие годы писатель работает над третьей книгой о Доржи Банзарове. Все эти произведения о судьбе первого бурятского ученого, над которыми писатель трудился около двадцати лет, составили эпопею-трилогию.

В романе "Банзарай хубуун Доржо" (Доржи, сын Банзара) писатель рассказывает о детских и юношеских годах ученого. Доржи показан любознательным, бойким мальчиком, жадно впитывающим впечатления окружающей жизни. автор стремится подчеркнуть, что Доржи еще с детства отличался большим интересом к духовной жизни народа, в частности к улигерам. Доржи показан не сверходаренным феноменом, а обыкновенным бурятским мальчиком, который и внешне ничем особым не отличался от своих сверстников. Но автор часто отмечает его природный оптимизм, здоровое светлое восприятие мира и умный озорной блеск его глаз: "Доржын сэлмэгхэн шарай зол баяраар гэрэлтэнэ. Мяхалиг хасарнууднь ягаа улаанууд. Хубуун тунгалаг хара ошо дэлгэжэ байһандал харагдадаг хурса харасатай: тоомгүй зээрэгхэн нүдэдынь ходо ходо энеэбхилнэ. Зузаахан уралай саанааа сайбалзаан, багахан забһартай жэжэхэн шүдэдынь, дэрэгэрхэн шэхэдынь, морхогор хөөрхэн хамарынь хубуунэй шарые улам урихан, улам өөрэхэн болгоно. Уни уйтадаан хара боро самсын хамсы охорхонууд, хүхэ үмдэнэйн үбдэгэй соорхойнуудаар хурин улаан мяханинь бултайна". - Ясное личико Доржи светится счастьем. Мясистые щеки румяны. У мальчика острый взгляд: как будто они источают прозрачные черные искринки. Озорные, быстрые глаза все время улыбаются. Белеющие за толстенькими губами маленькие зубы с небольшими щелочками, немного оттопыривающиеся уши, милый с горбинкой носик делают лицо мальчика еще более привлекательным, живым. Рукава темно-серой, давно ставшей ему тесной рубашки короткие, из-за прорех на коленях темных штанишек выглядывает красно-коричневое его тело. Такие детали внешности юного Банзарова, как тоомгүй зээрэгхэн нүдэдынь - озорные быстрые глаза, багахан забһартай жэжэхэн

шүдэднй - маленькие зубы с небольшими щелочками, дэрэгэрхэн шэхэднй - немного оттопыривающиеся уши, делают образ юноши жизненно достоверным, наглядно представляемым.

Б то же время этот отрывок даст представление о наиболее излюбленных автором синтаксических конструкциях, средней длине и сложности фразы. Для синтаксиса прозы Ч. Цыдендамбаева типичны преимущественно простые предложения, в которых употребляется много развернутых определений. В конце предложения из глаголов предпочитаются формы изъявительного наклонения. Употребление этих форм создает иллюзию, что автор как бы постоянно находится при своем герое, незримо следит за его действиями и поступками и рассказывает о них. Регулярное повторение изъявительных форм с суффиксами -на, -ба, особенно формы настоящего времени, создает весьма динамичный, в то же время плавный ритм повествования. Основу ритма Ч. Цыдендамбаева составляют глагольные сказуемые.

Романтический склад натуры Доржи, его способность к живому воображению, полет его мечты показаны через восприятие им улигера, который рассказывает улигершин Борхонск: "Ульгэрэй үнэншэмэ Һаруул дэлхэй Доржые гэнтэ тойрошоно. Ухинхэн ахайнь хуушан эшэги гэр хадаа "ордон сагаан" үргөө боложо, шын үншэхэн зээрдэ үрез хадаа газарта хүрэмэ дэлхэтэй, ган булад туруутай Эдир Шулуун баатарай эмниг шарга морин болошобо. Доржо өөрөө хүсэтэ баатар болошоод нууба. "Далан табан тобшотой дар торгон дэгэлэй" бээдэнь арайл угы байгааша харамтай. Хирэтэй боро самсаяа харана. "Эрэн тэхын эбэрээр элэн байжа бүтээээн" номо асараад, хэн нэгэн Доржодо үгээй даа". - Доржи вдруг оказывается в светлом, правдоподобном мире улигеров. Старенькая юрта Ухинхэн-ахая становится "белоснежным дворцом", гнедой лончак-сиротка эши превращается в ретивого солового скакуна Эдир-Шулун-батара с гривой до земли, с твердыми, как сталь, копытами. Сам Доржи сидит, превратившись в могучего богатыря. Только жаль, что на нем нет "шубы из узорчатого шелка, с семидесятью пятью пуговицами". Доржи смотрит на свою серую нечистую рубашку. Хоть бы кто-нибудь принес и отдал Доржи лук, искусно изготовленный из "рогов девяносты козлов". Здесь противопоставляется воображаемое и действительное, в данном случае прекрасный мир улигерных образов и окружающей Доржи действительности. Этим приемом про-

тивопоставления, который очень характерен стилистике Ч. Цыдендамбаева, показывается, с одной стороны, романтическая устремленность Доржи, и, с другой, неприглядность того действительного мира, в котором он живет. "Хун дубуунай дали шэнги, торгон сагаан Һахалаар үргэн үбсүүтээ хушаан, үндэр томо үбгэнийн Һуниингөө эрхим зүүдэнүүдтэ харадагшые байгаал." - Ведь в своих лучших снах он видел высокого статного старика, широкую грудь которого покрывала шелковисто-белая, как крыло лебедя, борода. Но суровая действительность опрокидывает его прекрасные представления: "Доржын хуршындоо хурэжэ ерэхэдэ, гэрэйн урдахи үнгэгдээн ногоон дээрэ, сагаан эшэгын тэг дунда... нэгэ үбгэхэн Һууна... Боро Һарьмайхан дэгэлтэй тэрэ үбгэн яан шурбээн хоёр болошоюн бишыхан гараараа шэнгэхэн хүхэ Һахалаа эльбэнэ... Борхоног энэ гээшэ гү? Доржо урмаа хухаран гайхана". - Когда же Доржи пришел к соседям, на измятой траве перед юртой, в середине белого войлока..., сидел старичок... Этот старик в сереньком сафьяновом дэгэле гладил своей, превратившейся в кости и сухожилья, маленькой рукой сивую жиденькую бороденку... Разве это Борхонок? Доржи с удивлением, разочарованно смотрел на него.

В языке писателя наблюдаются некоторые шероховатости, неточное употребление слов, которые невольно снижают впечатление от созданного образа. В предложении: "Мяхалиг хасарнууднын ягаа улаанууд". - Мясистые щеки его румяны, слово мяхалиг - мясистый грубовато своим натуралистическим оттенком и не совсем подходит к данному контексту, в котором воссоздается чистый юношеский облик будущего ученого. Лучше бы автору использовать такие образительно-ласкательные слова, применяемые в народной речи к детям, как сулсагархан хөөрхэн, булсагархан, булхагархан.

В описаниях внешности Доржи и его духовного мира автор, хотя и пользуется сочным и выразительным языком, но часто злоупотребляет новейшими явлениями литературного языка, появившимися в советский период главным образом под влиянием переводов с русского языка. Очень часто он применяет формы множественного числа там, где они обычно не употребляются: хасарнууднын - щеки, нүдэднын - глаза, шүдэднын - зубы, шэхэднын - уши, үбдэгүүд - колени (это только в одном абзаце); үэнүүдэйн үзүүртэ - в корнях волос, үмдэнын үбдэгүүдэй соорхойнуудаар - че-

рез прорехи на коленях; в смежных предложениях злоупотребляет местоимениями эдэ, тэдэ: "доржо эдэниие удэр бүри харадаг". доржи видит их (т.е. женщин) каждый день; формами винительного падежа: "Эхээ шангаар тэбээрэд, урин найхан нюдэдыень, ... хамарьень, магнайень, манцагьень энхэрэн тааланайб". - Мне бы крепко обнять мать и ласково целовать ее прекрасные глаза, ... нос, лоб, виски; формами орудного падежа: "Энеэдээрнь, ханядаарнь, эшхэрээгээрнь танидаг". - Узнает его по его смеху, кашлю, свисту; формами родительного падежа: "Уранхай сабуунай, нойтон зомгооной, модондой дабирхайн үнэр". - Запах горелого клея, сырых щепок, древесного дегтя; "Эхэнэрнууд үе үе сэдхэлэй хульбэрмэ уйтай хүндэ дуунуудые, түрэ хуримай дуунуудые, басага хүргэлгэнэй, духарья барилганай, худа худагын дуунуудые ханхинаса татабад". - Женщины пели временами тяжелые, печальные, хватающие за душу песни, пели звонкие свадебные песни проводов девушки, застольные песни сватов и сватьев.

В романе описана жизнь бурятской степи столетней давности. И казалось бы, автор должен был писать несколько архаичным, стилизованным языком, воссоздавая колорит, атмосферу, дыхание того времени. Между тем многочисленные калькированные морфологические показатели, конструкции синтаксических сочетаний и предложений, ассоциируясь с переводческим или публицистическим стилем, невольно снижают впечатление. Х. Намсараев и другие лучшие бурятские писатели, изображая дореволюционную бурятскую жизнь, не прибегают к подобным формам и конструкциям, хотя они и встречаются в их произведениях при описании современной жизни.

Однако допускаемые писателем в речах персонажей или авторской речи неправильности в формах слов и построении фразы, казалось, должны нести какую-то функциональную нагрузку, характеризовать культурный, социальный облик человека, его душевное состояние, т.е. допускаться автором сознательно. Но этого в данном случае нет. Все эти "нарушения" свидетельствуют лишь о несовершенстве стилистической манеры отдельных описаний.

Для характеристики усложненной речевой манеры ученых, выступающих на обсуждении диссертации (роман "Бдали от родных степей"), по-видимому, можно допустить выражения, копирующие строй русских словосочетаний и предложений, семантическую

структуру иноязычных слов; в речи ректора Н.И. Лобачевского - зохеол сэгнэхэ - оценить сочинение, энэ хадаа энээннээ урда тээ хэнээршье бэшэгдээгүй темэ - это является темой, никем не разработанной (букв. написанной) до этого, Банзаровой урдахи бэрхэшээлнүүд айхабтар ехэ байгаа - трудности перед Банзаровым были очень большие; в речи Осипа Михайловича Ковалевского - танай үндэр эрмэлзэлгэдэ би заахашье нэжэгтэй бэшэб - у меня нет ни малейшего сомнения относительно высоких ваших устремлений.

Но подобными калькированными выражениями пересыпана и авторская речь в романе "Вдали от родных степей", а также речи родноязычных персонажей. В авторской речи: "Байһан байдалдаа яабашье ханахагүй, ходол гомдол муулар боложол байдаг заримад шубуудайшье булэ соо бии". - И в семье птиц есть некоторые, всегда недовольные своим положением, постоянно выражающие жалобу и обиду; "шүлэг хэлэжэ, сагнаа урид уйлуулаа хадаа доржо буришье аягуй юмэньээ нэргылэн абараа". - Рассказав стихотворение, доржи заставил преждевременно заплакать, тем самым предупредил еще более неприятное и спас ее. Такие кальки, дословные переводы русских выражений, снижают художественную ценность романа, ибо такая речь местами напоминает тяжеловесный переводческий язык.

В романе "доржи, сын Банзара" улигершина Борхонока автор заставляет обращаться к своим слушателям-детям с такими словами: - Зай, ашанар... - Ну, внучата! Раньше старики могли так обратиться только к своим внукам, а тут сидели дети всего улу-са. В авторской речи злоупотребляет словом эрэшүүл - мужчины: тэндэ байгшад соо наһажаал эрэшүүл гэхэдэ - среди присутствующих были такие пожилые мужчины; эрэшүүлэй сугларһан газарта - там, где собираются мужчины. Между тем слово эрэшүүл активизировалось лишь в советское время в связи с необходимостью дифференцировать, например в спорте, мужчин и юношей: эдиршүүл - юноши, эрэшүүл - мужчины.

В стиле исторических романов Ч. Цыдендамбаева заметен подход с точки зрения современных оценок людей и современных идеалов: "Борхоног ульгэртөө арадай тулөө тэмсээн баатар тухайда дуулана". - Борхонок пел в своем улигере о баторе, боровшемся за народ. Но в улигерах, как известно, герои борются за личное счастье и своих близких. Персонажам приписывается

классовый подход к явлениям повседневной жизни: "Эрэшуул хамтархадаа, ... ган гасуур, зуд туранха, унал боомо тухай болон хэнэй хэндээ юу уритэйе, ... үнөөтэйе... хөөрэлдэдэг, мун баа харанхы алба татары хэдэг табангууд, цонгоол отогуудай шуулингэ зайнадые занан хараадаг, зайнанай Тэгшын шуран мэхэтэйе, ... наймнуруу билдуушые, ... харуу хэнтэгые шоо үзэжэ, шобто харадаг." - Когда собираются мужчины, они говорят о засухе, джуге, чуме и сибирской язве, о том, кто кому что должен, ... с кем враждует, говорят и об обмане, а также высказывают угрозы шуленгам и зайсанам табангутского и цонгольского родов за темные поборы, ругают на чем свет стоит зайсановского Тэкши за его ловкачество, ... лстивость, ... скупость.

Бедные люди улуса отличаются чувством собственного достоинства. Нет в них заботности, покорности. Не унижаются они перед богатыми. Бедняк или Жамсуев сочиняет рассказы, в которых Шархансай и другие богачи улуса всегда оказываются в дураках. Такие рассказы охотно прослушиваются и быстро распространяются.

Для того чтобы показать богатое воображение юного Доржи, автор стремится обрисовать его восторженным юношей с поэтическим восприятием мира, поэтому иногда перегружает текст сравнениями, метафорами, сложными образами, что утяжеляет стиль, делает его витиеватым и высокопарным: "Бүрүүл бүдэхи мүшэдтэй сайбар хүхэ тэнгэрийе Доржо найхашаан шэртэнэ. Тоогүй олон эрдэни нубад угалза шэмэгтэй баатар мэргэнэй үнэтэ хубсаанаар Үшөөтэнь хушагдашоод байндал ха юм. Торгон тэрэ дэгэлэй энгэр дээрэ тобойжо байнан булад нануулын айхабтар томо нарын мүнгэн сахариг зуун урда малайна. Холын хадануудай хаяа дээгүүр ургэлжэ зурын уулзнууд баатарай хубсаанай халюу булган хүбөөе нануулна". - Доржи с упоением всматривается в светлосинее небо с тусклыми звездами. Кажется, что его Ичетуй накрыт драгоценным одеянием батора-мэргэна с бесчисленными жемчужными узорами-украшениями. Серебряное кольцо огромной луны, напоминающей выпуклый стальной круг на груди того шелкового дэгэла, блестит льсиной на юго-востоке. Сплошные облака, нависшие над краями далеких гор, напоминают соболью и выдровую оторочки одеяния батора.

Возможно, автор стремится придать романтичность, поэтичность образу Доржи под влиянием знаменитого "Абая" М. Аузова. Как и у одной из героинь М. Аузова, у матери Доржи звенят ук-

решения: "Мүнгэ шарагдаһан ээд гуугай үлгүүрэй жэнгирхэ дуулдаад, Доржын эхэ аарсатай оёорсог тэбэринхэй оробо". - Послышался звон цепочек посеребрянной медной ладанки, и вошла мать Доржи, держа в руках кадушку с арцой. Но изображение Доржи как поэтической натуры было бы, вероятно, оправдано, если бы он в будущем проявил себя как писатель, а не как ученый.

Речь улигершина Борхонока изобилует книжными выражениями: "Эһотой үльгэршэ гээшэ үльгэрье улам бүри уран найхан болгон мулжэ, баатар эрын багажа зэбсэг шэнгээр хурсаджажа ябадаг. Ши өөрөө үльгэр зохёожо нура. Тиихэдэ арад зон шамда дурлаха, үльгэрьешни шагнаха. Ой соо хашхархада, абяаниинь суурян болон дабтагша бэшэ гү? Үльгэр хадаа залхуу оюолнуудай зугаа бэшэ юм. Үльгэршэ хүн хадаа дундаршагуй ехэ баялигай эээн гээшэб гэжэ һанажа ябадаг юм". - Настоящий улигершин, все время совершенствуя улигер, делает его еще более художественно выразительным, оттачивает его как оружие батора. Ты сам научись сочинять улигеры. Тогда народ полюбит тебя, будет слушать твои улигеры. Ведь, когда кричишь в лесу, звук отзывается же эхом? Улигер - это не забава для ленивых и нерадивых. Улигершин всегда помнит, что он хозяин несметных богатств. Улигершин Борхонок говорит об улигерах так, как будто он вычитал эти выражения из современных статей об улигерах, опубликованных в газете или журнале.

Ч. Цыдендамбаев стремится показать речи и движения Борхонока как исполненные величия, медлительные и торжественные. С этой целью автор многократно повторяет слова аалихан - медленно, аргааханаар - тихо, однако величавого описания вдохновенного исполнения улигершина, как у Ц. ламцарано, у него не получается: ... Үльгэршэ далай хэлэгшэ нэн... - гэжэ аргааханаар дуугарба - ... улигершин далай говаривал... - тихо сказал он; тиигээд тон намдуу аалиханаар эхилбэ - затем он начал очень тихо и спокойно; хуурайнгаа хубшэргэе аалиханаар шударжа - тихонько вода смычком по струне; гурбадахи аяга сайгаа аалихан нуугаад уухадаа - тихонько выпив третью чашку чая.

Речевая характеристика остальных героев в достаточной степени индивидуализирована. Однако в речи персонажей часто слышатся интонации речи хоринцев. Между тем в романе изображаются жители родины д. Банзарова Ичетуя и других ближних улусов, но от их языка абсолютно ничего не используется.

Несмотря на отдельные недостатки в языке романов, Ч. Цыдендамбаев обладал своим индивидуальным стилем и богатым, сочным языком. Стилистическая манера и языковое богатство Ч. Цыдендамбаева наиболее полно и ярко проявились в его рассказах, высоко оцененных литературоведами³, и поэтических произведениях. На бурятском языке писателем изданы сборники рассказов: "Шэнэ байшан" (Новый дом, 1956), "Расказууд" (Рассказы, 1956), "Гурэл нютаг" (Родной улус, 1960), "Улаан сэсэг" (Красный цветок, 1964). На русском языке, в переводе М. Степанова, изданы книги рассказов: "Новый дом" (М., 1959), "Ливень в степи" (1962), "Бурятские узоры" (М., 1970).

Общепризнанный язык в творчестве отдельного писателя превращается в индивидуальный стиль. Этот стиль является результатом особого отбора средств общепризнанного языка, результатом умения автора "... на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа"⁴. Материальными, вполне осязаемыми признаками индивидуального стиля прежде всего являются излюбленные конструкции словосочетаний и предложений, тип предложений, применяемые автором. Эти признаки в совокупности дают тот тон повествования, который составляет важную черту любого индивидуального стиля.

Наряду с двучленными аналитическими определениями Ч. Цыдендамбаев употребляет оценочные: "доржо хани Һайн нүхэд соогоо нуужа, хүндэтэ үбгэнэй уран сэсэн ульгэрнууде бүхэли үдэртөө шагнаба". - Сидя среди своих хороших друзей, Доржи целый день слушал мудрые и искусные улигеры почтенного старика. В этой связи следует отметить использование "психологических" обстоятельственных и определительных слов: газгаа хорёошонь залхуугаар хусаба - на улице лениво залаяла овчарка; айлгуур бардам эдэ үхэрнууд (баянай) - эти страшные, горделивые быки (богача); хүжюу Һаруулаар шатаһан галдань - на весело и светло загоревшемся огне; үһэнүүдэйнь үзүүртэ хуушанай монетэнууд хүйтөөр ёлохинод - на кончиках косичек холодно блестели старинные монеты; хүндэ абьян дууддана - послышался тяжелый звук. В определениях иногда выражается юмор, объясняется причина какого-нибудь явления или содержится выражение, навеянное самобытной степной жизнью: олон хонойой уһа бороо үзвөгүи дээрһээ үнгэ зүһэгүи боложо шарлаһан дайдын адаалхай шэрүүн ногоое - из-за отсутствия дождей в течение многих дней поблек-

шую и пожелтевшую степную колючую траву, Нью-Гэг доржо... доошоо тэгүүлдэг умдээ нэгэ удаа дээшнь татажархеод - босо-ногий Доржи..., подтянув разок сползающие вниз шаровары; уур мунсын дуунай дуулдаха хирэн газарта байһан Ухинхэн ахайн орбогорхон эшэгы гэр - невзрачная войлочная юрта Ухинхэн-ахая, находящаяся на расстоянии, откуда можно услышать, как толкут пестом в ступке; ангаһан залаатай хуушан хилэн малгайгаа ойроо табинхай - рядом с собой положил старенькую плисовую шапочку с выгоревшей красной кисточкой; даржал гунжэ ошоод, олон жэлдэ са-ригдаһандаа хара боро болоһон, эндэ тэндээ эдэрээтэй, хуушан хуур асарба - доржи сбежал и принес старенький, со вмятинами и царапинами хур, потемневший от многолетнего использования. Этого типа предложения, в которых явно видно тяготение к анализирующим атрибутивным сочетаниям, определяют также ритмику повествования писателя.

Такие конструкции часто прерываются назывными предложениями: "Магнайдань хульһэнэй дуһалнууд баржылдана. Урдань аягын шэрээ. Шэрээ дээрэ булаһан талхатай, айрагай тоһотой улаан модон табак". - На его лбу выступили капельки пота. Пред ним низкий столик. На нем красная деревянная тарелка с испеченной в золе лепешкой и айрачным маслом.

при описании обычности, обыденности действий, поступков героев автор иногда прибегает к чередованию глагольных сказуемых, выраженных давно прошедшими причастиями на -даг: "Гэрэйнгээ зуун хойноһоо худагтаа хурэтэр Затагархан нургааг залгажа табинхай. Затагарханай гэртээ угы байхада, Тобшой тэрэ нургааг дамжажа, уһанда ошодог". - Затагархан протянул жерди от северо-восточной стороны юрты до колодца. Когда Затагархана нет дома, Тобшой, держась за жерди, добирается до колодца.

для выразительности автор сочетает назывные предложения, обозначающие статичные картины, с глагольными конструкциями: "Гэртэнь доржын ороходо, хаб харанхы. Нюдэ хордомо шороб утаан. Гуламта соонь байһан хэдэн жэжэхэн согууд үлэ мэдэг улаабхина". - Когда Доржи вошел в юрту, там была полная темень. Резкий дым, от которого ест глаза. В очаге еле-еле мерцали мелкие тлеющие угольки. Обращает на себя внимание отсутствие вспомогательного глагола, что придает описанию, на фоне назывных предложений, особую выразительность.

Целая цепь сказуемых - качественных прилагательных - при-

меняется при описании интенсивного проявления какого-либо явления, действия: "Ульгэршын хөөрэхэ бури дууниинь нэгэ жэгдэ, угэнь хурса, нугалбари аялгань ирагуу зөөлэхэн болоно". - По мере того, как улигершин входил в повествование, голос его становился ровнее, слова ярче, а интонация мягче и лиричнее.

Некоторым недостатком глагольных конструкций, создаваемых автором, можно считать повторение иногда одних и тех же глагольных сказуемых при показе последовательности совершения одних и тех же действий: "... Жалма Дулсан хоёр орожо ерэнэ... Тэрэ дары Холхойн Ханда, Ухинхэнэй Дариима, Эрдэмтын Димид гурбан... оробод". - Входят жалма с дулсаном... Тотчас же... вошли трое: ханда Холхоева, дарима Ухинхэна и димит Эрдэмты. Вскоре вошла мать доржи. Когда вошла его мать...

В бурятском языке достаточно много синонимических средств, и такого однообразия можно было избежать, если бы автор поработал над шлифовкой этих фраз. Между тем другие примеры свидетельствуют, что автор вполне владеет синонимическим богатством бурятского языка: ямаан - коза и дурбэн хултэ - четвероногая; гэжэ Сундайн эхэ хэлэбэ - сказала так мать Сундая и ама гаранан туруушын хун - высказавший такую мысль первый человек; үдэртөө мал дахажа эсэнэн Бадма Харагшан хоёрын унташанан байба - весь день шедшие за скотом и уставшие Бадма с Харагшаном уснули. Здесь не употребляется сочетание мал адуулжа - пасли скот, так как речь идет о детях, которые не могут по-настоящему пасти скот.

Индивидуальному стилю Ч. Цыдендамбаева придает своеобразие, самобытность такая черта, как эмоциональность. До перехода на прозаические произведения Ч. Цыдендамбаев прославился как ярко выраженный лирический поэт. Поэтому в его авторской речи, речи главного героя Доржи, а также описаниях природы, внешности героев часто можно обнаружить лирическое начало. Иногда авторская речь как бы сливается с речью главного героя, многое воспринимается им через призму восприятия Доржи: "Дархан болохош! Дархан болохош!" - гэжэ эдэ шубууд Доржые мэгтана хэбэртэй". - Будешь кузнецом! Будешь кузнецом! - как будто так напутствуют Доржи эти птицы. "Нарабша дээрэ хатаанан айрна хуруудые хобдог борбилоонууд хулуухаяашье, хорёо соохи хэнээ эшэгэдтэнь халзан бургэдууд хорхойтохоёошье болихол! Ойро дутуур нийдээд туршаг! далая тагар-удар харбуулаад арилхал". -

ладные воробы не будут теперь красть высушиваемые на навесе творог и сырки; лые орлы перестанут зариться на осенних козлят, находящихся в изгороди! Пусть попробуют летать вблизи! Удерут с простреленными насквозь крыльями.

Лирическое начало особенно чувствуется в воссоздании автором родной природы: "Хаанашьёб холын маната хихэ хадануудай саагуур оршодог Тугнэ, Мухар-шэбэр нютагуудай али нэгэндэ ехэ суутай, олондо мэдэгдээн Борхоног ульгэршэ бии юм гэжэ доржо найн мэдэхэ байгаа". - доржи хорошо знает, что где-то за далекими синими, окутанными маревом, горами, в одном из улусов - Тугнуе или Мухор-шибири, живет прославленный, известный многим улигершин Борхонок. Налицо поэтические художественные детали, присущие обычно стихотворной речи: далекие синие горы, окутанные маревом, незнакомые места.

Большую прелесть придают стилю Ч. Цыдендамбаева незатейливые описания картин степной жизни с умелым использованием изобразительных средств: "Боро хараанаар хара унгэтэйгөөр харагданан тэмээн халаахайн ойгуур хубууд ябана. Анханда хэнэйшьёб зулалан эндэ байһан юм. Шубуунай аргалаар будагдажа сайһан сэргэнь мүнөөшьё хэлтжэ һуудаг. Айшдадай олоороо буудаг айл байгаа: сэргэнь тойроод мориной туруунда сабшагданан хонхор-ёнхорнууд мүнөөшьё болотор бии". - Мальчики идут мимо высоких крапив, которые в сумерках кажутся тенями. Когда-то здесь стоял чей-то летник. до сих пор сидит покривившаяся коновязь, побелевшая от птичьего помета. К этому стойбищу приезжало много людей: и сейчас видны выбоины и ямки вокруг коновязи, выбитые копытами лошадей. Эти детали сельской жизни определенным образом настраивают читателя. Однако в некоторых местах художественные элементы используются не совсем удачно: "Ногообтор сэнхир тэнгэрийн хаяас бүһэлээн үдэн зурагар үүлье орохо наран улабар алтаар гагнажа эхилнэ. Аргалай шороб гашуун утаан үжэнгир арьанай, мориной хульэнэй үнэр асарна. Борхоног ульгэрөө дүүргэнэ". - Заходящее солнце озарило багрянцем узенькую полоску облаков, опоясавших край зеленовато-голубого небосклона. Горький дым кизяка приносит запах гниющей кожи, конского пота, Борхонок завершает улигер. В данном случае дым кизяка, который всегда сладок для подлинного степняка, почему-то назван "горьким", и этот горький дым приносит запах гниющей кожи и конского пота.

Эмоциональность авторского повествования выражается также в пристрастии его к именам, образованным посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов: Затагархан, Ухинхэн, Мархансай ахайхан; Тошой, марбай, дандай, аюухан, даржай, Сээргхэн.

Стилю Ч. Цэнддамбаева характерно частое обращение к риторически восклицательным видам предложений, что иногда приводит к гиперболизации или идеализированному восприятию явления тем или иным персонажем или самим автором: "доржын манал далита хараасгайнаа хурдаар гуйнэ. Энэ дуун Борхоногой ульгэрнүүдхээ хурдаар хаа хаана таража болохол. Хэрбээ малма дулсан хоёрой энэ дуугаа хээрын малшадай ойро үглөөгүүр дуулаа наань, энэ дууе эмээлтэ хүлэгөөршье хүсэхэгүйш!" - мечты доржи бегут быстрее крылатой ласточки. Эта песня может повсюду распространиться быстрее, чем улигеры Борхонока. Если малма с дулсаном споят эту свою песню утром около степных пастухов, то ее не догонишь и на быстроногом аргамаке! Как видно из примера, такого типа риторическим предложениям характерно анафорическое повторение одних и тех же, логически наиболее значимых сочетаний (в данном случае энэ дуун - эта песня), а также выражение конечного сказуемого отрицательной формой изъявительного наклонения будущего времени второго лица.

В речевом потоке традиционно принято было выделять две синтаксические единицы - словосочетание и предложение. В последнее время стала выделяться еще одна единица - сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство), под которым понимается объединение нескольких предложений, тесно связанных по смыслу и структуре. Иными словами, сложное синтаксическое целое представляет собой семантико-структурное единство. Сложные синтаксические целые объединяются в еще более сложные комплексы - абзацы, хотя и сложное синтаксическое целое может совпадать с абзацем. Но обычно в одном абзаце встречается несколько сложных целых. Иногда несколько абзацев составляют одно синтаксическое целое. Считается, что абзац - это семантико-стилистическая категория, а сложное синтаксическое целое - категория стилистического синтаксиса, т.е. оно не является единицей основного яруса языка. Абзац, тем более параграф и глава, вообще не обладают стабильной синтаксической структурой.

Являясь единицей, более высокой, чем предложение, сложное

синтаксическое целое относительно полно характеризует свою микротему. Однако сверхфразовое единство неоднотипно. Сложное синтаксическое целое как тематическое единство структурно опирается не на отдельные предложения, а на разные типы речи, и выражается в монологе речи одним каким-либо типом или их сочетанием. Как указывает О.А. Нечаева, функционально-смысловые типы речи, или описание, повествование и рассуждение, вопрос и побуждение, сочетаясь между собой в различных формах, образуют поток речи. "Тип речи зависит от характера объекта речи, от "материала", о котором надо сказать что-то. Если это действия, событие, то будет речь типа повествования; если этим "материалом", объектом речи является предмет, признаки которого надо словесно перечислить, то будет речь типа описания. Если же объектом речи являются какие-то суждения, при составлении которых можно придти к определенным выводам, заключению, то это речь типа рассуждения"⁵.

Архитектоника сложного синтаксического целого, отбор предложений в нем, их расположение и объединение в сложное единство составляют индивидуальное своеобразие синтаксиса писателя. Так, в состав сложного целого Ч. Цыдендамбаева включаются простые предложения. Между его компонентами устанавливаются временные, противительные, сравнительные, причинно-следственные, пояснительные, присоединительные и другие отношения. Мы остановимся на тех конструкциях Ч. Цыдендамбаева, в которых что-то обобщается. Они в логическом плане представляют умозаключения. В них одно из предложений служит опорным: оно актуализирует тему сложного синтаксического целого. В следующем сверхфразовом единстве опорным является второе простое предложение: "Гэр гээшье ганса хун баригагуй, олон хунууд баригаг ха юм даа гэжэ Володя бухөөр ойлгоно. Санхиров баабай Баахандаа баабай хоёр гансахан ханынь бодхоогоо ха юм. Нешэнгын Нанзад баабай табяа. Уудэнэйн түмэрье шадмар дархан хэжэ үгөө. Ойдоп баабай рамьень шэллээ. Харин мунөө Максар дархан ставниень гоёожо байна. Ушөө хэн юуень хэгшэ ааб?" - Володя хорошо понял, что дом строит не один, а несколько человек. Дед Санхиров с дедом Бахандаем только возвели стены. Дед Нанзат поставил печку. Железные детали для дверей сделал умелый кузнец. Дед Ойдоп застеклил рамы. И сейчас столяр Максар украшает ставни. еще кто что будет делать? единство этого целого обе-

слечивается не только микротемой "Дом строится коллективно", но и грамматическими средствами: перечислительной интонацией, глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения на -аа, а также союзом харин - а.

Часто в рассказе Ч. Цыдендамбаева опорное предложение строится в форме традиционного наказа. В рассказе "Хариин газарта" (На чужбине) использованы формулы наказа матери дочери-невесте. Один из них гласит: "Тэндэ ошоод байхадаа, тогоо горшоогоо бу хонгиргоорой гэжэ эхэнь захиан юм". - Мать ей наказывала: "Когда поедешь туда, не греми посудой". Здесь наказ заключается в кавычки и завершается повелительно-наставительной формой 2-го лица (прескриптив). Эта форма выражает действие будущего времени, которое должно быть выполнено 2-м лицом в будущем. Она широко используется в устном народном творчестве в разного рода благопожеланиях и народных песнях. Часто приобретает прощально-грустную окраску.

Но не так-то просто выполнить наказания, поэтому в этом сложном целом используется противительный союз теэд - но, которым начинается цепь предложений, раскрывающих эту микротему: "Теэд энэ айлай тогос горшоогын зорёолондол ходол хонгирхоёо ханана. Ойронь шанага хүргэжэ үрдеэгүй байхада абя гарахая тэгүүлдэг яндан хара тогоонууд. Ойгуурнь аляанай нийдэхэдэ шэнхинэхээ ханадаг горшоогууд..." - Но горшки и котлы в этом доме, как нарочно, постоянно гремели. Не успеешь поднести ковш, как уже издаёт звуки негодные черные котлы. Горшки, которые звенят даже, когда рядом пролетает муха...

Такую же форму имеют и другие сверхфразовые единства с опорным предложением-наказом: "Амьарта сабая газарта бу унагаагаарай" гэжэ эхэнь захиан юм. Теэд амьартая хуряжа байтарнь, нэгэ улаан аяга гэнтэ амидьрандал алдагдан, эргэнэг дээрэнэ шала дээрэ унаад, набын ойгуур зээрэмхэйтэн мухариха, гуламтын ойро амьараараа үнэе бурма удхаад унашоо хэн". - "Не роняй посуду на землю", - наказывала мать. Но когда она убирала посуду, одна красная чашка, словно ожив, вырвалась, упала с посудного шкафа на пол, затем покатила мимо жбана и, захватив своим отверстием около очага кучу золы, упала. "Юмэ эхээр бу эдеэрэй. Эдеэндэ хомхой бэритэй болообди гэжэ саадуулни ханаха", - гэжэ эхэнь захя хэн". - Мать наказывала: "Много не кушай. А то те подумают, что взяли жадную до еды невестку".

Здесь сложное целое не развернуто. Но его продолжение находится в другом месте: "Димидмаа нэгэ аяга сай, адха болохогүй айрһа эдээд, "саднаб" - гээд, аягаяа хуряаба". - Димидма выпила одну чашку чая, съела неполную горсть сушеного творога, сказала "спасибо" и убрала чашку.

"Одомаа Жаадай хоёртол дуратай тээшээ ошохо, ханаһан айлдаа орохошье арга димидмаада угы ха юм. "Айлда бу ороорой. Зайгуул бэритэй болосбди гэжэ гэртэхиншни ханаха" - гээн эхынгээ захяе димидмаа һайн ханана. Тээд яахаб даа! Арбан зургаа хүрэжэ ехэ басаган бэлоо хадаа, хариин газар ерэхэ, айлай бэри болохол номтой ха юм". - димидма не может, как Одома с Жадой, идти, куда захочет, зайти, к кому хочет. "К чужим не заходи. Домашние подумают, что взяли невестку-бродягу", - такой материн наказ хорошо помнит Димидма. Но что поделаешь! Раз достигла шестнадцати лет и стала взрослой девушкой, ее удел - уехать на чужбину и стать чьей-то невесткой. Здесь опорное предложение находится в середине целого.

"Наадажа эсээн Одомаа Жаадай хоёр эдээ хоолдоо садаһаар унташана. Иигэжэ амтатайханаар унтаһан арбаад гаратай эрхэ хоёр басагадта димидмаа дахин атаархана. "Гэртэхинэйнгээ унтаагүйдэ бу унтаарай. Унтаана залхуу бэритэй болообди гэжэ ханаха" - гээд эхэнь захяа ха юм. һуумгашаа унтаһан үбгэниинь бодожо һуняагаад, унтахаяа амбаар тээшэ ябашаба. Тургэн унтаһай даа гэжэ ханахада, үдэрэй халуунда ойгожо унтаһан эхэнь, зорёолһондол, орой болотор унтажа үгэнэгүй". - Уставшие от игры Одома с Жадой, наевшись досыта, улеглись спать. Димидма опять позавидовала этим двум балованным девочкам, перевалившим за десяток лет. "Пока не заснут домашние, не ложись спать. Подумают, что взяли ленивую невестку-засоно", - так наказывала мать. Не муж, заснувший сидя, встал, потянулся и пошел спать в амбарушку. Хотела, чтобы мать скорее легла спать. Но она, проведшая в полусне жаркий день, как будто нарочно, не ложилась спать допоздна. В этом сложном синтаксическом целом, кроме микротемы и интонации, объединяющую роль играют формы слова унтаха - спать: унташана, унтаһан, унтаагүйдэ: унтахаяа, унтаһай даа, унтажа үгэнэгүй, а также унтаана.

В рассказе "Шэнэ байшан" (Новый дом) наказы по строительству дома вкладываются в уста девяти-десятилетнего Абиды: "Яагаашье һайн юмэ гээшэб. дулаахан шэнэ гэр баригдахадаа ехэ

хайн даа. Уужамаар, дулаанаар гэрээ баригты. Гэжхүүрмень ехэ үндэрөөр бу хэгты. Үүбүүд мүлхижэ ябатараа унаха". - Какое хорошее дело затеяли. Очень хорошо, когда строится новый теплый дом. Стройте просторный, теплый дом. Крыльцо не делайте слишком высоким. Ребенок, ползая, упадет. Здесь предложения связываются также посредством побудительной формы 2-го лица на -гты.

В других случаях в качестве опорного предложения выступают авторские афоризмы, а также народные пословицы. В рассказе на предложение старика построить для сына новый дом старуха говорит:

- Манайхи хадаа хубхай аман, хоонон хөөрөөн болоод лэ байн мартагдана бээ даа. Тоншуул бүхы наһандаа модо тоншоод, газра хоножол ябагша даа. Молхи хэлээ мухаржулжа гэр байшан барихада, модо ябталжа барианһаа нураггүй бэлэн юм ааб даа! - гээд үбгэн тээшээ хаража миһэд гэбэ.

- Наша-то затея, как водится, останется, конечно, пустым разговором и постепенно забудется. Дятел всю жизнь долбит дерево, да не чуует всегда на улице. Гораздо легче, конечно, построить дом языком тупым, чем возводить его из тяжелых бревен! - сказала она мужу улыбувшись. Здесь микротема "легко сказать, да дом не построить". Опорным является иносказательный авторский афоризм о дятле. Единство синтаксического целого поддерживается интонацией безразличия, в создании которой большую роль играет утвердительная частица с модальным оттенком - даа.

Опорным может быть и вопросительное предложение: "Ажал хэдэг, хэхэ ажалаа хэдынэйшье сагта олодог зондо сүлөөтэй үе гэжэ жэл оро байдаг юм гү? Урдань үмсэшье ябахандаа, мүнөө хамташье болоодоо, би тиймэ сагы ологшогүйб... Нэгэ ажалай дуурээдүйдэ, ондоо ажал эхилшэгшэл бэшэ гү? Тон сүлөөтэй болоод гэр байра бариха, байшан балгаана бодхохо гэжэ хүлээгээ наа, зуун жэлдэ тиймэ саг олдохогүй бээ. Санкиров, та шэнэ гэрэй барилга эгээл мүнөөнөө, апрель нара соогоо, эхилхэ гэхэдээ, эгээл хайн саг олоот, эгээл сүлөө үеые нунгаат!" - людям, которые трудятся, находят для себя работу в любое время, разве находится свободное время в году? Я не находил такое время раньше, при частном хозяйстве, и ныне, когда мы трудимся коллективно, также не нахожу его... ведь не успеет завершиться одна работа, как начинается другая? Если ждать прихода совершенно свободного времени, чтобы построить дом, возвести себе хоромы, так

и в сто лет его, видимо, не дожидаться. Санхиров, когда вы задумали начать строить ваш дом, прямо сейчас, с апреля, вы как нельзя удачное время нашли, выбрали самое свободное время.

Развертывание высказываемого сообщения в сверхфразовом единстве осуществляется по правилам актуального членения предложения, когда постоянно чередуются тема и рема. То, что в предыдущем предложении было "новым", в следующем - становится "данным". Обычно обозначение темы является одним из средств межфразовых связей. В следующем синтаксическом целом то, что в предыдущем предложении было "новым", становится "данным" для следующего предложения, а опорное предложение помещается в конце текста: "ши өөрөө анханда газар гэхэхэ малгүй, ган гэхэ нохойгүй ябаан тоймог бээш даа. Мүнөө дулаан гэртэйш, дал соогоо ведро ну гарадаг үнээтэйш. Хоёр гахайтайш. Арбан дүрбэн тахяшни үдэр бури арбан дүрбэн үндэгэ түрэнэ. Хоёр ашанаршни "баабай ерээ", "баабай ерээ" гэлдээд, ухаа алдажа угтадаг. Городойшни хвбуун агроном ухин хоёршни нара бури 300 түхэриг эльгээдэг. Зөөлөхэн орон дээрэ хэбтэхэдэш, ашанаршни ульгэр туухэ уншажа һонирхуулдаг. Нанатай боложо ябанаш, маани уншаа һааш дээрэ һэн даа, һүлэр толгой". - Наверное, раньше у тебя, голодранца, не было ни кола, ни двора. А теперь у тебя теплый дом, в стайке имеется корова, которая дает ведро молока. Есть две свиньи. Четырнадцать твоих куриц ежедневно несут четырнадцать яиц. Два твоих внучонка радостно встречают тебя с возгласом: "Дед пришел! Дед пришел!" Городской твой парень, да агроном-дочка ежемесячно высылают тебе 300 рублей. Когда ты лежишь на мягкой постели, внучата твои забавляют тебя чтением сказок и улигеров. Надо бы тебе одуматься, голова садовая, лучше бы тебе читать молитвы, ведь ты уже в возрасте.

В стихотворных произведениях Ч. Цыдендамбаева, как и в его прозе, умело строятся сверхфразовые единства, хотя отдельным стихам молодого поэта были присущи многословность, описательность, декларативность. В них отсутствовало глубокое проникновение во внутреннюю жизнь героя, чувства героев выражались напыщенно, риторично. Эти черты особенно заметно проявились в поэме "Гвардеец" (1945) и стихах, опубликованных в сборнике "Утро" (1958). В стихотворениях "9 мая 1945 года", "Дню артиллерии", "Генералу Панфилову", "Агитатор Дугаржаб", как показано в работах литературоведов, имеются общие места,

декларации, холодная риторика и пышное словесие. Однако с годами все более преодолевались эти недостатки, и у зрелого Ч. Цыдендамбаева стиль стихотворения обретает черты, присущие его лучшим рассказам. Так же, как и в рассказах, в стихах описывается какой-нибудь конкретный факт, и из него делается обобщение. В стихотворении из цикла "Дойбод зураг шүлэгүүд" (Мозаичные стихи) говорится о том, что зрячий сын ведет через мост и перевал незрячего отца. Отец дает своему семнадцатилетнему сыну мудрые советы о том, как прожить жизнь. Отсюда делается вывод, который выражен следующим опорным предложением сложного целого:

Албайдалай харгыгаар
Алинайнь алинаа хутэлъень
Абааар хэлэхэээ марганаб.

Затрудняюсь сказать:
По дорогам жизни
Ведет кто кого.

Ученые-археологи выкапывают черепки тысячелетней давности и склеивают из них кувшины. С этим сопоставляется факт из взаимоотношений людей:

Уни бэшэ, тугаархан,
Угын шэрүүниие дуулаандаа,
Гажаран гантаһан зурхые
Гагнажа тэдэнэр шадаха аал?

Сумеют ли они соединить
Сердце, разбитое не давно,
А сейчас жестоким грубым словом?

В следующем стихотворении поэт спрашивает о том, чем можно разрезать алмаз. И отвечает:

Гаһар хүсэтэй тиимэ зэбсэг
Газар дээрэ байдаг наань, -
Хурса эритэнүүдэй атаархадаг
Хүнэй хэлэн гэлсэебди.

Если есть на земле
Такое средство могучее,
То это язык человеческий,
Чему завидуют острия все.

Стихи Ч. Цыдендамбаева в основном миниатюрны, форма у них четкая. Автор старается в каждом стихотворении выразить какую-нибудь обобщающую мысль, свои раздумья о людях, народную мудрость. Литературные факты вызывают у него разные ассоциации. В стихотворении "Гээгдээн бээлэй олдобо" (Нашлась потерянная рукавица) говорится о потерянной рукавице с подкладкой из гураньей шкуры. Кто-то нашел и возвратил ее владельцу, обрадовав его. Вывод поэта таков:

Хайша хэрэгээр үнгэргээн
Хайран бүхнэ сагъемни,

Если бы кто-нибудь
Вернул мне время,

Брэдөө нэгэнэй бусаагаа яань,
Бунээр сэнтэй бэлэг нааб!

Гастриченное мною попусту,
Каким бесценным был бы подарок
этот!

Стихи Ч. Цыдендамбаева не в такой степени пронизаны разнообразными эмоциями, как его рассказы. проявляются они лишь в отдельных стихах. В стихотворении "Инаг дуранай баллада" (Баллада о любви) поэт с горечью говорит о девушке, грубо оборвавшей чистое юношеское чувство:

Зуунэй бэшэ,
Жадын үзүүрнээ муухайгаар
Угээн харюугайш
үзэг бүхэньөө шархатабашье,
Хуугэн зангайш
хунгэн нэбхидэнь тохоод лэ,
Хулисэхэ яаналые
хүндуулхэй зурхэндөө
туруулээ нэм.

Үнэниие бэшэ,
худалые намда асарааша
Угэ бүхэндөө
хоёр-гурбан алдуутай
Буугай номондол
зурхьем сорьёон бэшэгыешни
Буурал толгойтой
болотороо хадагалжа ябаналби.

Хоть и ранен был я,
как копьем острым,
словом каждым ответа твоего,
отнес я это на счет
возраста юного.
И взрастил в сердце
измученном
чувство прощения тебе.

Храню я
до волос седых
письмо твое пронзившее,
как пуля, сердце мое,
принесшее не правду, а обман,
в слове каждом содержащее
две-три ошибки.

Ч. Цыдендамбаев пришел в бурятскую литературу во второй половине 30 х гг. вместе с Цэдэном Галсановым, Ж. Тумуновым, Дарихапом Дамдиновым. К этому времени бурятская литература достигла определенных успехов, поэтому стали предприниматься интенсивные поиски новых форм, средств, приемов поэтического выражения. Изменился внешний облик бурятского стиха, он стал делиться на строфы. Молодой Ч. Цыдендамбаев тоже внедряет ритмику силлабо-метрической системы. В этом плане наиболее удачным его созданием является стихотворение "Сэсэгхэн" (Цветик, 1940). Оно написано двухстопным амфибрахийем с каталектисом:

Нэрюхэн нэбшээндэ
Хээээдэш сэнгүүл!

На легком ветерке

Зунай саг дулаахан,
Зугаалха хужуул!
Тальмни дорюухан
Гаряе харыш!
Арюухан, халуухан
Абяе шагныш!

Улаахан залаашни,
Намаашни хэдэб?
Арюухан тальмни
Гоёнол, мэды!

Приятно всегда!
Лора летняя тепля,
Веселье звенит!
Смотрите же на хлеба,
Степные, гордые!
Слушай же ее

Звуки листые, горячие!
Сколько же кисточек,
Сколько листочков у тебя?
Знай же, украшаешь ты
Степь мою славную.

Это стихотворение отличается поэтичностью и напевностью. Тема о цветке позволяет говорить о прекрасной летней поре, легком теплом ветерке, цветущей степи. Несмотря на удачу в этом стихотворении, Ч. Цыдендамбаев не стал продолжать свои опыты в этом направлении. Эта система стиха, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, делала бурятский стих несколько монотонным, однообразным. Поэтому Ч. Цыдендамбаев в дальнейшем придерживался улигерной системы стихосложения, основанной на аллитерации, равном количестве слов в строке, параллелизме и синтаксическом членении. Однако им делались попытки внедрения ритмики метрического стопного стиха и совершенствования рифмы. В этом отношении особенно показательна поэма "Соном Гармаев", написанная в 1954 г. Это первое крупное произведение бурятской литературы о рабочем классе. Главный герой поэмы - молодой бурятский рабочий Соном Гармаев. В то же время в каждой главе присутствует и сам автор, что придает повествованию стилистическое единство. В поэме с начала до конца как система применена рифмовка. Используются перекрестные рифмы. По звучанию они разнообразны - точные и приблизительные, богатые и бедные, ассонансы и диссонансы, составные.

В ритмике автор делает попытку придерживаться цезуры, под которой понимается словораздел на определенном месте, расчленяющий стих на два полустихия. Строка состоит из 4, 5, 6 слов и делится на две части свободной цезурой. Рифмой скрепляется сложное синтаксическое целое:

Гэбдэн мэгдэнгуй тон сулөөтэйхэн
Тойрон ябана уран станогоо.

Не спеда, очень свободно
Обходит он станок модный.

Котелнай эмээлдээ хүлөө	Котел найн на седло ногу
тээхэнь	навесит,
Булад дүрөөнь бүхөөр	Стремя стальное крепко
хоноогоо.	сидит.

Рифмуются слова самых разных частей речи, а также оригинальные и заимствованные, простые и сложные: тэнгээр - шэнгээр, тоймогби - нойрмоглон, одоо - хододоо, аараг - Гармаев, гохолном - Соном, намда - замда, намда - саарьанда, байн байн - эхэ байн, магтахаб - мартахаб, электро-тоогоор - гудогоор, хэлээшэ - хүн гээшэ, сүлөөтэйхэн - тээхэнь, станогоо - хоноогоо, байгаа - хайгаа, манайда - найда, захиит - рахит, дооронь - теоринь, Цавел заабол, Иваньч - яанаш, хоюулан - хаюулан, Орлов - олооб, Цавел - хараабал, салиитар - палиитар.

"Ароухан далай, нангин	"Славное море, Байкал
Байкал..."	священный..."
Пассажиры нүхэдни будуугээр	пассажиры-товарищи басом
дуулаа.	запели.
Энээнъээ золтой үдэр наһандам	Будет ли день у меня лучше,
байхаал?	чем сегодняшний?
Москва ошохоннай Галитай	В Москву поедем мы вдвоем
хоюулаа.	с Галей.

Особенностью лексики поэмы является довольно обильное употребление заимствованных слов, особенно терминов: литейнэ, мастер, фамили, автобиографи, кронциркуль, заготовко, гендернууд, хатаалха, электро-мостовой кран, резец, рычаг, котел.

Компоненты изобразительных средств в сложном целом берутся иногда из индустриальной тематики:

Долоодохи класснаа, жэлэй	С седьмого класса, с половины
тэнгээр	года
Дарханай субасаар харгылжа	Стал я на тропку кузнеца.
эхилээб.	
Магнитда татагдаһан хадааһан	Как гвоздь притянутой
шэнгээр	магнитом,
Мастерской, станогто татагдан	Мастерская, станки затагнули
эрээб.	меня.

Для сравнения больше привлекается животный мир:

Соном зангаба: абааша бэлэн
гээд,
Басаган сэлмэгхэн нүдөөр
харана.
Дошхон хүлэгэй жолоо
шэнгээр
Дорюун кранаа зубөөр залана.

Или:

РУ-до ороогүйдөө сүхэрэн
гомдоод,
ажаллажа ябалаар гуша хүрөөб.
Мэжэ туунууд соо турлааг
болоод,
Зоной наадан болохо аалби
мунөө?

Умеренно и удачно применяются метафоры:

Өөрүнгөө тухай хөөрэхэдөө аараг,
Угэу удьень асуудалай гохоор
гохолном:
Дамилитнай хэн бэ?
Минии гү? Гармаев.
Нэрээрни нэрлэгтэ. Нэрэмни
Соном.

В рамках сложного синтаксического целого в уста персонажей вкладываются остроумные выражения, отражающие специфику рабочей психологии:

Партида орохо гүт? гээд
хандааб.
Хараадхиба сэлмэгхэнээр нам
тээшэ:
- Ушөөл түүхэйб, ногооншог
зандааб,
Эдешэнэн зон партида ерэдэг
гээшэ.

Соном махнул: мол, готово,
унеси,
Девушка смотрит взором
ясым.
Как поведьями горячего
скакуна,
Управляет она ловко краном
могучим.

Обиделся я, что не поступил
в РУ.
Трудился, работал, уж
стукнуло тридцать.
Буду ли я теперь, как ворона
белая,
Среди мелких грачей смешить
людей.

Говорит о себе неохотно.
Вытаскиваю из него слова
крючком вопросов:
Как ваша фамилия?
- Моя что ли? Гармаев.
Называйте по имени. Имя
Соном.

Вступите в партию? -
обратился к нему.
Ясым взглядом он глянул на
меня:
- еще не созрел, по-прежнему
зеленоват,
зедь в партию вступают
зрелье.

В этом сложном синтаксическом целом связь между предложениями, помимо микротемы "Богата наша степь", осуществляется посредством интонации, а также притяжательных частиц.

Хотя Ч. Цыдендамбаев в большинстве своих поэтических произведений придерживался традиционной системы стихосложения с частичными новшествами, в некоторых стихах он экспериментировал, пробовал разные приемы. В стихотворении "Үнэн бэшыень шийдхэгты" (Решите сами, так или нет) в начале каждой строфы располагается слово-понятие, которое характеризуется в следующих строках по однотипной формуле с вопросом:

"Поэдби" - гэжэ ханаашадай   если бы все, кто именует себя
"поэтом",

Бултадаа поэдүүд хаань,   Были бы все поэты,
Хэды дуунуудые арадууднай   Сколько звонких песен
Ханхинаса дуулахал хааб?   Запели бы народы?
"Таряшаб" - гэжэ ханаашадай   если все, кто считает себя
"крестьянином",

Бултадаа таряшад хаань,   Были бы крестьянами,
Али зэргын ехэ дайда   какая широкая степь
Таряагаар эбхэрхэл хааб?   Переливалась бы пшеницей?
"Дурланаб" - гэжэн хүнүүдэй   если все, кто говорит "люблю",
Бултадаа дурладаг хаа,   любили бы все,
Хэды басагад дэлхэйдэ   Сколько девушек на свете
Золтой ябахал хааб?   Озарились бы счастьем?
"Эсэгэб" - гэжэ ханаашадай   если все, кто считает себя
"отцом",

Бултадаа эсэгэнэр хаа,   Были бы отцами,
Хэды ухибууд газар дээр   Сколько детишек на свете
Жаргалтай байхал хааб?   Были бы счастливы?

Это стихотворение в целом составляет одно сверхфразовое единство, в котором связующими элементами являются микротема "если бы все были настоящими", условная и вопросительно-утвердительная интонации, однотипная и параллельная структуры предложений. В стихотворении "Хүнүүд юндэ найдадаг бэ?" (На что надеются люди?), отвечая на поставленный в заглавии вопрос, каждое двустопише поэт завершает словом найдадаг - надеется:

Онгосынгоо хоёр   надеется на два
хэлжуртэ найдадаг,   весла лодки,

Моринойнгоо дүрбэн
 туруунда найдадаг,
 Туулган тоблынгоо
 мэргэндэ найдадаг,
 Лайсадайнгаа аймхайдань,
 тэнэгтэнь найдадаг,
 Ханзынгаа мунгэнэй
 ханхинаанда найдадаг,
 Хара Һамганайнгаа
 мэхэтэйдэнь найдадаг,
 Эрэлхэг зоригтоо,
 хусэндөө найдадаг,
 Эрхим нүхэдэингөө
 зүбшөөлдэ найдадаг.
 Абида бурхандаа
 найдашоодшье Һуудаг
 Арба табан хүн
 байжашье солохол.

Надеется на
 четыре коньта своего коня,
 Надеется на
 меткость свинцовой пули,
 надеется на трусость,
 глупость врага,
 Надеется на
 звон монет в сундуке,
 надеется на
 Хитрость своей темнокожей жены,
 Надеется на
 Свою смелость и силу,
 Надеется на
 Советы лучших друзей.
 Есть, наверное, такие, кто
 Надеется на Абида-бурхана,
 И сидит, ничего не предпринимая.

В сатирической поэме "Соорхойдо болоһон ушар" (происшествие в Сорхое, 1965) поэт использует некоторые фольклорные приемы. Для усиления выразительности стиха и заключенной мысли поэт в начале строфы приводит авторский афоризм или пословицу, по образцу которой в том же смысловом ключе создаются фразы:

Үлэһэн сууха тэһэрдэг,
 Үмхирһэн хохюур тарайдаг,
 Гүйхэн шалнаг шэргэдэг,
 Нариихан утаһан таһардаг,
 Нананайнгаа ерэхэдэ,
 Набша сэгсэг хагдардаг,
 Нангин зулашье бүхэдаг -
 Юрһн имэ байдалаар,
 мртэмсын хуули журамаар
 Галзуухан хэнтэг шолымнай
 Газарайнь "диваажан"
 хаагдахань ха.

Надутый пузырь лопается,
 Гнилой сухостой падает,
 Мелкая лужа засыхает,
 Тоненькая нить рвется;
 Когда приходит пора,
 Цветы и листья ветшают,
 Даже священная лампадка гаснет,
 По простому этому порядку,
 По закону вселенской жизни
 Скоро, однако, закроется
 "Рай" земной для беснующегося
 черта этого.

Здесь подчеркивается мысль "Сколько веревочке не виться, а будет конец" в связи с тем, что начальник лесного склада Модуев Мунирха Петрович уже очень глубоко запустил руку в государствен-

венный карман, создал у себя дома "земной рай", но стужается тычи распахать над ним. Хотя поэт поставил точку только в конце, здесь на самом деле много самостоятельных предложений. Поэтому их следует рассматривать не как одно сложное предложение, а как сверхфразовое синтаксическое единство.

Развернутая градация, т.е. расположение фраз в порядке возрастающего значения, создается поэтом путем использования в качестве ключевых слов разделительных деепричастий со значением возвышения, одобрения. Фоном для этой стилистической фигуры служит пейзаж, нарисованный в традиционном, фольклорном духе:

Модоной складь даагша
Модуев Мунигха Петрович
Аглаг тэнгэрийн үүлэгүй
аажам тунгалаг байхада,
Сэсэгэй найгалзаха нэбшээгүй
Сэлмэг хонгор байхада,
амаралтын нэгэ үглөөгуур
Аялдар шиираг хубууды
Архи тамхьяр хүндэлээд,
Анекдот хөөрэлэ хүлээгээд,
Алтан шүдөөр магалзаад,
Арба табые адхуулаад,
"Ажалшад" гэжэ найрхуулаад,
Араате малгай үндэхүүлээд,
Хүрээ, нүхэ хамагыень
Хүршэ айлнуудьяа суглуулаад,
Зуугаад нүхэ малтуулаад,
Зуугаад гаран столб
Зуулан шэнэ гэр тээшэ
Зурылгажа зоолгобо.
Шуламал цэнэхэн столбнууды
шуумгай түргэн зоолгобо.

Заведующий лесотоварным складом
Модуев Мунигха Петрович
в то время, когда небо далекое
Было безоблачным,
Когда не было ветерка,
Не колыхались цветочки,
Однажды в воскресный день,
Угостив вином и табаком
Покладистых дожих парней,
Повеселив их анекдотом,
Золотыми зубами улыгнувшись,
Всучив им по десятке и пятерке,
"Трудягами" называя, похвалив,
Дешевыми комплиментами заворожив,
У соседей лопаты, прочее собрав,
Заставив выкопать более ста люк,
Проложил к даче своей новой
Более сотни столбов.
Очищенные новые столбы
Заставил быстренько
вкопать.

Этот отрывок представляет собой периодическую речь, которая также относится к сверхфразовым единствам со своей микротемой, хотя и является развернутым, но простым предложением. Оно распадается на две части с резко различным произношением. Первая часть, состоящая из синтаксически однородных единиц или причастных и деепричастных оборотов, произносится с однообразной инто-

нашей, несколько нарастающим повышением голоса. Затем после оборота "зуугаад нүхэ малтуулаад" следует пауза, после чего за ключительное предложение, или вторая часть, произносится с заметным понижением голоса.

Периодическая речь отличается стройностью формы и музыкальностью фразы, поэтому широко использовалась в улигерах, в частности их зачинах: "Урданай сагай уринда, уран сагай түрүүндэ, саг жэлэй сарюнда, сахилза үбтэнэй хүхэдэ, бүхэгүй бүлээндэ, бээлэйгүй дулаанда, саган юнэй сабхан сагаан байхада, сарьян юнэй нимгэн зөөлэн байхада".

Умело пользовался ими Х. Намсараев. В начале поэмы "Убгэн гэлэнэй үгэ" (Слово старого гэлэна) находим классический пример: "Баян дарын хубуун Бадма гэдэг би бөлбол бага балшар наһандаа баабай эжын зарлигаар баруун хүрэн ошожо, бараг һайн лама боложо, бата сагаан дуганда баруун мурэй эхиндэ барас шэнгээр багаганажа, зуун мурэй эхиндэ луу шэнгээр лужаганажа, дээбэриень дэжэгэнүүлжэ, дэмы зондо гайхуулжа, хаалгень хашагануулжа, хамаг зондо гайхуулжа".

В своей сатирической поэме Ч. Цыдендамбаев прибегает к "животноводческой" терминологии для изображения героя:

Аашатайхан Тамарань
Аяар холо арилшоод,
Жолоо ногтоо алдуураад,
Жороо табиһан Мунинха,
Тушаа шүдэрөө гээжэрхеод,
Турьяад гуйһэн Петрович
Гарагай хоёр, гурбанда
Гансаарханаа унтаба.

Тамара его с норовом
Убралась в далекие края.
У Мунинхы узда упала,
И он припустил вовсю;
Потеряв пути и треноги,
Фыркая, побежал Петрович,
Но в понедельник и вторник
Спал дома один.

Для усиления выразительности стиха Ч. Цыдендамбаев в порядке градации в сверхфразовых единствах умело использует глагольные формы с отрицанием -гүй, благодаря которым подчеркнута звучат утверждения с положительным значением:

- Асатанан дүрбэн туруутай
Арбагар хоёр эбэртэй,
Уб улаахан тугалтай,
Уураг сагаан дэлэнтэй,
Мөөдэйе тэндэ хаажархеод,

- Не будут держать в изгороди
И заставлять мычать буренку,
С раздвоенными четырьмя
копытами,
С растопыренными двумя рогами,
С ярко красным теленком,

Мөөрүүлжэ байхагуйл!
Дамганиинь тэрэ үнээн дор
Гаалиин тудхуур тодожорхёод,
Шодогор дүрбэн хүхьень
Шобторхожо нуухагуйл!
Турбэлгүйхэн хурданаар
Тубиие тойрон харайгаад,
Туруу хүлөө эсээжэ
Тураха гээшые мэдэхэгүй,
Мянган модондо элэхэгүй,
Мяхалиг резинэ туруутай,
Харгы замда төөрихэгүй
Харанхьда хараха нүдэтэй, -
"Волго" нэрэтэй ногоогшон
Болзорто удэртөө гүйжэ ерээд,
Бүтэхэгүй зохидхон хоолойгоор
"Бу-бүү" гэжэ дохёолоод,
Шэнэхэн гаражайнь урдахана
Шэрэ будагаараа толоржо,
Шэл сонхоороо ялархал.

С молозивно-белым выменем!
Не будет его жена,
Подставив под нею подойник,
Сидеть и тянуть
Тонкие и короткие соски!
Зеленуха по имени "Волга"
Прибежит в назначенный день
И будет стоять,
Сверкая краской новой,
Блестя стеклянными окнами,
Перед его гаражом новым,
Издавая чрезвычайно приятным
Голосом сигналы "бу-бу";
Может она объехать свет
На огромной быстрой скорости,
Не знает она, что такое,
Тощать, уставать и утомиться,
Есть у нее мясистые
Резиновые копыта,
Не изнаются они
И в тысячу верст,
Не заблудится она в пути,
Есть у нее глаза,
Которые пронзают темноту.

Ч. Цыдендамбаев использует разнообразные синонимы - языковые и контекстуальные - для сатирическо-иронического изображения героя и относящихся к нему людей и предметов. "Волгу" называет то ногоогшон - зеленуха - по аналогии с харагшан, алагшан, то "бу-бүү!" гэдэг дуудайгаараа; корову именует детским словом мөөдэй.

Для обозначения понятий "жена", "женщина" употребляются различные синонимические слова, которые используются для создания тесно связанных между собой синтаксических целых:

Габардаад нуни үзэхэдэнь,
Дамган гэжэ байхагуй,
Лалуун кофе асаруулха
Хатан гэжэ байхагуй...
Гэргэн хүнэй угьдэ

Ночью он шарит по кровати,
Но нет на месте жены,
Нет на месте хатуны
Кофе горячий поднести...
Нет дома бабы,

Гэр байрань хүйтэршоо,
 Хон-жэнхэн болошоо,
 Хонохошье нүээгнь буурашоо.
 Абараша энээхэн эхэнэрын
 Али гэрэйн зараса гу,
 Амараг найхан дангина гу, -
 Одоол энээниие бу мэдэе.
 Охорхон сагай убсанса -
 Онигорхон тэрэ үхинийн
 Бодолгүйгөөр дуугаржа,
 Уйлажал байлтай газарта
 Урбайтараа энеэнэ.

В квартире собачий холод,
 Тишина мертвая,
 Не хочется и ночевать.
 А эта, что он привел,
 То ли домашняя прислуга,
 То ли его любовница, -
 Чего не знаем, того не знаем.
 Временная эта супружница,
 Узкоглазая эта девица
 Говорит совершенно невпопад,
 Где надо плакать,
 Она смеется, смеется
 До красноты в глазах.

В сатирических целях употребляются прилагательные, глаголы и другие слова с просторечно-негативной экспрессией: залхуу шантагар ухин - ленивая курносая девица, урбайтараа энеэхэ - смеяться, выворачивая веки, жүжэгэр хултэй Тамарань - Тамара его с тоненькими ногами, энэ ёозогор хэн гээшэб - кто это - высокий и худой, мэнтэгэр улаан Тамара - багрово-красная Тамара, убсансатай баабайнарай уриһан тээшэ жороолдог убайгүйхэн ухин - нахальная эта девица, рысью бежит туда, куда ее ведет женатик, танхиитараа турашаха - тощать до измождения, абгайнарай хажууда ангайтараа энеэнэ - около тетушек смеется, широко разевая рот.

В сатирическом аспекте сталкиваются разные значения одного и того же слова, благодаря чему предложения объединяются в одно целое:

- Ямар гурбан юмэ
 Яшаагүй хүндэб дэлхэйдэ?
 Харюу тайлбари хүлээгээд,
 Хаража нууна басаганиинь...
 - Хадын шулуун хүндэ байха.
 Халуунда ангахада хүндэ байха.
 Ушөө тиигээд... - гэжэ
 Үгэ гарахатайнь аб адли,
 Үүдэн гэнтэ нээгдэжэ,
 Үүдэнэй саанаана марьяан
 Үхин Тамарань шагаажа:

- Что три
 Самые тяжелые на свете?
 Ждет девица ответа,
 Ждет отгадки она...
 - Тяжел камень на горе.
 Тяжело мучиться жадой в жару.
 Далее еще... - проговорить
 Успел он только,
 Как дверь вдруг открылась,
 Крадучись, Тамара вошла,
 и говорит:
 - Скажи же, что будет.

Хатуу тангаригаа мартаашадай
Харюусалга хундэ гээд хэльш! -
Ийгэжэ хэлээд Тамара
Убгэн тээшэ алхалба.

Тяжкой ответственность
Клятву забывших!
Сказавши так, Тамара
Зашагала к мужу своему.

Ч. Цыдендамбаев был писатель разностороннего дарования, и почти в каждом жанре бурятской художественной литературы он оставил свой след. В последние годы им был создан роман "Далекие и близкие родные", а также повесть "Год начинается с весны" (1973). В 1977 г. издан сборник его лучших стихов и поэм под названием "Зурхэнэй дуунай дээжэ" (Лучшие из песен сердца). Поэт сам отобрал для этого сборника свои стихи и поэмы из 11 книг сочинений, изданных в 1940, 1943, 1945, 1948, 1954, 1958, 1965, 1970, 1971, 1972 и 1975 гг.

Ч. Цыдендамбаев был одаренным переводчиком. Им переведены на бурятский язык "Слово о полку Игореве", "Полтава" А.С. Пушкина, "Демон" М.Ю. Лермонтова, произведения советских писателей. Творческие принципы, легшие в основу этих переводов, также заслуживают кропотливого исследования. Переводы произведений великих русских писателей оказали на поэтику Ч. Цыдендамбаева заметное влияние. В поэме "Суворов" (1942) отчетливо слышны интонации стихотворения М.Ю. Лермонтова "По синим волнам океана":

Улаан боецуудэй эсэнхэй,
Унтажа амаржа хэбтэхэдэ,
Сулөөтэй аалиханаар алхалжа,
Суворов үбгэн ерэнэ...
Эсээн ашанараа хаража,
Эсэгэ Суворов зогсоно.
Дабхаса субаяа хуулажа,
Дааранан боецуудээ нэмэринэ.

Забылись в сне тяжелом
Бойцы красные тут.
Походкой медленной, неторопкой
Старик Суворов идет...
Смотрит он на внуков уставших,
Стоит долго Суворов-отец.
Снимает он с себя плащ,
Укрывает замерзших бойцов.

В.Ц. Найдаков пишет: "Без высокого понимания своего долга перед народом, своего места в народной жизни" Ч. Цыдендамбаев "не сумел бы создать столько значительных, нужных народу произведений. Многотысячными тиражами на многих языках разошлись они по свету и делают большое дело, утверждая правду новой жизни, правдиво и ярко рассказывая людям о прошлом и настоящем бу-

рятского народа, нашедшего свое счастье в общей борьбе трудящихся за коммунизм"¹⁰.

---

¹ См.: История бурятской советской литературы. - Улан-Удэ, 1967. - С. 182.

² Указ. соч. - С. 282.

³ См.: Найдаков В.Ц. Чимит Цыдендамбаев // Современные писатели Бурятии. - Улан-Удэ, 1969; Бабушкин С. Чимит Цыдендамбаев // литература Советской Бурятии. - Улан-Удэ, 1973; Вышеславский Л. Свежесть первооткрывателя // литературная газета. - 1959. - 4 июля; Очиров Н. Рассказы о простых людях // дружба народов. - 1957. - № 3; Белоусов А.А. Люди степных просторов // Байкал. - 1962. - № 5; Оршанский Н. Песня души - самая лучшая песня // Бурят-монгольская правда. - 1957. - 14 июля; Яновская Э. Поэзия возрождения // Сибирские огни. - 1958. - № 11.

⁴ Белинский В.Г. полное собрание сочинений в 15 томах. - М.: Изд-во АН СССР, 1953 - 1959. - Т. 5. - С. 454.

⁵ Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение, вопрос, побуждение) // Вопросы филологии. БГУИ им. Д. Банзарова / Уч. зап. - Вып. 37. - Улан-Удэ, 1970. - С. 89.

⁶ Найдаков В.Ц. Указ. соч. - С. 161-162.
